

Цинь Гэ ударил себя по лицу, и боль на мгновение привела его в чувство. В обычное время, увидев его в таком состоянии, Се Цзыцзин уже бросился бы помогать. Но на этот раз этого не произошло. Цинь Гэ был и зол, и печален, он снова взял салфетку, чтобы вытереть лицо и нос, и только потом повернулся и бросился в объятия Се Цзыцзина.

Се Цзыцзин инстинктивно обнял его.

— Холодно... — Цинь Гэ вытер слёзы о его одежду и, прижавшись к его груди, пробормотал. — Я умираю.

Он протянул дрожащую руку, и в его ладони за клубился туман, который через мгновение рассеялся. Цинь Гэ не сдавался, упорно смотря на свою ладонь, но на этот раз даже туман не появился, только слабый поток энергии поднялся по руке, покружился в ладони и исчез.

— Бесплезный кролик... — сказал Цинь Гэ. — Он не выходит.

Сила объятий Се Цзыцзина усилилась, и, немного подумав, он снова крепко прижал Цинь Гэ к себе.

— Не надо себя заставлять, — прошептал он ему на ухо. — Я понял.

Цинь Гэ услышал его глубокий вздох, похожий на облегчение.

«Твоё „море сознания“ вовсе не отвратительно, в нём нет ничего ненормального, мне оно не противно». Цинь Гэ хотел подробно объяснить это, чтобы Се Цзыцзин окончательно успокоился, но тот обнимал его так крепко, что говорить было трудно, и он просто уткнулся лицом в его грудь, тоже глубоко вздохнув.

«Здесь нет пути» — так сказал 18-летний Се Цзыцзин. Но Цинь Гэ не верил. Если раньше не было пути, он готов был проложить новый, чтобы вывести Се Цзыцзина из руин. Чувство сожаления и уныния медленно исчезало, как отступающий прилив, возвращаясь в глубины океана. Слушая сердцебиение Се Цзыцзина, Цинь Гэ, несмотря на усиливающееся головокружение, почувствовал новую решимость.

Он ещё не знал, где предел его способностей. Но с этого момента он решил, что будет исследовать их ради Се Цзыцзина.

Если город в «море сознания» разрушен, он построит для Се Цзыцзина новый.

Помыв лицо и руки Цинь Гэ, сидевшего на краю ванны, Се Цзыцзин посмотрел на ванную комнату, а затем на Цинь Гэ:

— Помочь тебе помыться?

— Не нужно, проваливай, — ответил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин вышел из ванной, но вскоре снова открыл дверь, высунув голову:

— Я оставлю льва с тобой.

Цинь Гэ как раз снимал рубашку, и его взгляд был закрыт, поэтому он просто кивнул.

После горячей ванны он почувствовал себя немного лучше, по крайней мере, температура рук и ног восстановилась. Сегодня ночью он точно не сможет уснуть, и он слегка пожалел, что не попросил Се Цзыцзина взять у Янь Хуна ещё несколько таблеток снотворного. Выйдя из ванной вместе со львом, Цинь Гэ удивился: Се Цзыцзин сидел на полу у двери и ждал его.

— Мне нужна вода с лимоном, — сказал Цинь Гэ. — Много лимона, кислую.

Се Цзыцзин тут же вскочил и бросился на кухню.

Лимонная вода очистила горло и желудок, и Цинь Гэ почувствовал себя значительно лучше. Они сидели на балконе, и Се Цзыцзин никак не мог найти удобное положение, поэтому Цинь Гэ просто прислонился к нему. Се Цзыцзин наконец успокоился и через некоторое время спросил:

— Не хочешь отдохнуть?

— Не усну, — ответил Цинь Гэ. — Если лягу, начнутся кошмары.

Сказав это, он понял, что ошибся, и поспешил объяснить:

— Не из-за твоего „моря сознания“ кошмары, я просто всегда вижу их, когда патрулирую ненормальные „моря“...

— Я знаю, — сказал Се Цзыцзин, одной рукой обняв его за талию, а лицом прижавшись к его ещё влажным волосам, он слегка поцеловал их.

Цинь Гэ чувствовал, что каждое его слово задевает Се Цзыцзина:

— Я тоже не говорю, что твоё „море сознания“ ненормальное.

— Оно действительно ненормальное, — быстро ответил Се Цзыцзин. — Не переживай, я больше не боюсь этого.

Цинь Гэ подумал, что сейчас Се Цзыцзин больше похож на его кролика. Ему нужно обнимать его, прижиматься к нему, тереться, чтобы почувствовать себя в безопасности.

Оба замолчали, и прохладный ветер с балкона раскачивал высокий тополь, листья которого шумели. Цинь Гэ положил руку на руку Се Цзыцзина, прижав его ладонь к своему животу. В этот момент, когда слова были не нужны, Цинь Гэ понял страх Се Цзыцзина.

Се Цзыцзин был словно человек без прошлого. Очнувшись в растерянности, он обнаружил, что все его воспоминания — лишь осколки, и он даже не мог сказать, кто он такой. Затем Лу Цинлай начал накладывать на него различные внушения, и эти негативные внушения исказили восприятие Се Цзыцзина самого себя. Он боялся, когда кто-то пытался исследовать его, и даже считал, что его «море сознания» нельзя показывать другим.

И только сейчас он получил подтверждение от Цинь Гэ.

— Когда ты очнулся в больнице, никто не исследовал твоё „море сознания“? — вдруг вспомнил Цинь Гэ.

— Исследовал, — ответил Се Цзыцзин. — Лу Цинлай.

Цинь Гэ резко выпрямился:

— Как он там оказался?

— Тогда Западное управление пригласило выпускников «Новой надежды» для проведения исследований, и Лу Цинлай как раз был одним из руководителей группы, — объяснил Се Цзыцзин. — Когда я очнулся и обнаружил, что родители пропали, они заподозрили неладное, и так как Лу Цинлай был ментальным регулятором, его попросили провести патрулирование моего „моря сознания“.

Се Цзыцзин облизал губы и с трудом добавил:

— Я солгал тебе. Хотя я не помню, как выглядело моё „море сознания“ раньше, но Лу Цинлай сказал мне, что оно было разрушено, и это могло стать причиной моей потери памяти.

Связь Лу Цинлая с Се Цзыцзином начала проясняться.

Цинь Гэ подозревал, что Лу Цинлай во время того патрулирования обнаружил, что «море сознания» Се Цзыцзина — отличный материал для исследований. Он занимался изучением связи личности и «моря сознания», и перед ним был Страж с разрушенным «морем сознания», что делало Се Цзыцзина идеальным объектом для исследований: Лу Цинлай мог с помощью постоянных патрулирований накладывать внушения, постепенно формируя раздробленную личность Се Цзыцзина в ту, которую он хотел.

— ...Той ночью, возле Храма Цзиу и Луцюаня, действительно произошло что-то необычное, — сказал Цинь Гэ Се Цзыцзину. — „Море сознания“ трудно разрушить за короткое время.

— Угу, — снова обнял его Се Цзыцзин, словно не желая отпускать, и тихо сказал. — Я отдаю тебе своё „море сознания“.

Он рассказал Цинь Гэ, что после того, как Лу Цинлай провёл патрулирование его «моря сознания», он заявил, что Се Цзыцзин из-за сильного потрясения потерял память и совершенно не помнит, что произошло в тот день. Когда группа «Новой надежды» покинула Западное управление, они взяли с собой и Се Цзыцзина. Узнав, что Се Цзыцзин получил приглашение в «Новую надежду», Лу Цинлай проявил большой интерес и даже предложил заботиться о его повседневной жизни.

Отец Се Цзыцзина был Проводником, а мать — обычным человеком, они поселились здесь из-за работы, и других родственников поблизости не было. Се Цзыцзин сильно привязался к Лу Цинлаю, и тот, как его учитель, взял на себя все заботы. Дело о пропаже его родителей взяло на себя Западное управление, но до сих пор никаких зацепок не найдено.

Цинь Гэ не стал напоминать Се Цзыцзину, что Лу Цинлай, скорее всего, уже при первом патрулировании наложил на него внушение. Он заставил Се Цзыцзина безоговорочно доверять ему. Цинь Гэ считал, что Лу Цинлай контролирует Се Цзыцзина, но это не объясняло, почему он после выпуска посоветовал ему устроиться в Западное управление.

— В нём слишком много загадок, — вздохнул Цинь Гэ, словно от боли. — Мне нужно снова поговорить с Гао Тяньюэ о Лу Цинлае и о делах в нашем отделе.

— Я сам постепенно начал чувствовать, что что-то не так, — глядя на ночь и огни за окном, медленно сказал Се Цзыцзин.

После поступления в университет Лу Цинлай стал чаще общаться с ним, и его соседи по комнате знали, что у него нет семьи, но этот учитель был для него почти как отец, заботясь о нём. Лу Цинлай сказал Се Цзыцзину, что из-за проблем с его «морем сознания» необходимо проводить патрулирование каждую неделю.

— Он исследовал всё „море сознания“, то, что ты видел только что... — Се Цзыцзин глубоко вдохнул. — В „море сознания“ есть моё самосознание, и Лу Цинлай говорил с ним много раз.

<http://bllate.org/book/15560/1384739>